

Большая, по сравнению с другими произведениями, конкретность достигается в С. за счет повышенного внимания к бытовым подробностям и топографии Москвы и ее окрестностей. В С. старательно отмечаются детали, которые другим авторам представлялись либо незначительными, либо общеизвестными. Во многих произведениях тот факт, что Лжедмитрий поселился в царских палатах, вообще не упоминается. В С. же это не только отмечается, но сопровождается указанием, какие именно помещения занял самозванец: «И постави себе хоромы и многия светлицы велми красны на набережных полатах и терем основал». Для писателей, рассказывавших о восстании против Лжедмитрия, обычно было достаточно сообщения об убийстве его в кремлевских палатах. С. указывает место более определенно: «И сего окаянного еретика и богоотступника Гришку Отрепьева убили вверху, в палате крайней от Боровицких ворот». Место сожжения тела Лжедмитрия в других источниках обозначено точно — «на месте, нарицаемом Котле», но С. и здесь содержит уточнения: «тело его предали огню на реке на Котле промеж курганов».

Стиль С. заметно отличается от стиля его источников. Прежде всего, здесь почти нет обычной для всех произведений Смутного времени риторики и цитат из патристики. В С. всего два кратких риторических обращения автора к читателям и лишь одна, опять же краткая, цитата из Псалтыри.

В отличие от других современных ему литературных памятников в С. в меньшей степени ощущается влияние книжного языка. В некоторых местах наблюдается воздействие на язык сказания разговорной речи. Особенно заметно это в описании «ада». По содержанию оно ничем не отличается от рассказа об «аде» в «Повести, како восхити. . .», где дана такая картина: «Егда же разверзет челюсти своя, и изовну его яко пламя предстоящим ту являетца, и велие бряцание исходит из гортани его, . . . и изо ушью якоже пламяни распалившуся» (РИБ. СПб., 1891. Т. 13. Стб. 164). Тем не менее описание «ада» в С. являет собой разительный контраст, ибо вместо языка церковной и агиографической литературы здесь использован язык фольклорных произведений, русской сказки: «Как станет зевать и глаза мигать, и колокольцы шумят, изо рта огнем пашет, из ушей дым идет».

В С. отсутствуют обычные для литературы начала XVII в. элементы стиля «плетения словес» и сложные синтаксические конструкции. Этот факт, а также менее книжный, чем в источниках, язык, отсутствие риторики, привлечение фольклора объясняются, вероятнее всего, не сознательным выбором стилистических средств, а меньшей по сравнению с другими писателями этого времени образованностью автора С. Отсюда и неудачные в грамматическом смысле выражения, иногда затемняющие смысл сказанного. Например, в С. говорится, что венчался Лжедмитрий с Мариной Мнишек «в четверг на третьей недели по Пасце, канон великаго чудотворца Николы». Смысл этой фразы раскрывается при обращении к «Повести, како восхити. . .»: «в четверг. . . против пятка и против памяти чудотворца Николы».

Автор плохо представляет себе разницу между вероисповеданием и национальностью иностранцев. Следуя за источниками, он повторяет их ошибку и еще больше усугубляет ее, расширив перечисление представителей различных, по его мнению, вероисповеданий: «И введе с нею в церковь многих поганных всяких вер людей, лютарей, ляхов, латынь, колвенцов, немец».

Одна из главных особенностей С. раскрывается в объяснении причин Смуты. Все без исключения литературные памятники о Смутном времени объясняют и общие, и частные причины социально-политического кризиса божьим наказанием за грехи русского народа. В С. эта тема ослаблена настолько, что почти незаметна. Слова о греховности встречаются лишь один раз: «И в та же времени божиим поущением и нашего ради согреше-